

го, что заложено в авторском тексте. У Левинского — Шифоне были очень красноречивые глаза. Какая бы водевильная куролесица ни происходила на сцене, они оставались чуть насмешливыми и грустными: «да, мол, это, конечно, смешно, но мы-то с вами знаем...».

Умение обогатить роль, создать законченный характер, хотя драматургом он едва наметен, Левинский раскрыл

РАННЯЯ ЗРЕЛОСТЬ

Судьба дипломного спектакля, как правило, не завидна. Готовят его год, а то и больше, вкладывают все силы: еще бы, от успеха или провала зависит распределение и, значит, судьба будущего актера. А живет спектакль чуть дольше бабочки-однодневки. Сдали экзамены, разлетелись по театрам — прощай, студенческий «Город на заре» или «Дядя Ваня».

«Мизантроп» — счастливое исключение. Водевиль Лабиша, поставленный в 1968 году Евгением Радомысленским на тогдашнем третьем курсе школы-студии МХАТ, прошел с аншлагами и бурным успехом более шестидесяти раз. И даже был показан за границей — в Праге.

Спектакль тот отличался непринужденным озорством режиссерской фантазии, искренней веселостью, умной иронией по отношению к неприязательной интриге водевиля. А главное, привлекала несомненная одаренность юных исполнителей. Действуя уверенно и увлеченно в атмосфере изящной водевильной путаницы, легко справляясь с искрометным французским диалогом, с куплетами и акробатикой, они словно слегка поддразнивали зрителей. Водевиль — это, мол, тренировка, разминка. Одним словом, цветочки. Но погодите, будут и ягодки!

И действительно почти все участники «Мизантропа» вскоре выступили с работами, замеченными театральной Москвой. В самом деле: Е. Градова — Негина в «Талантах и поклонниках» (Театр им. Маяковского), М. Янушкевич — Аркадий Долгорукий в инсценировке романа Достоевского «Подросток» (Театр им. Станиславского), Н. Корниенко — Сюзанна в «Женитьбе Фигаро» (Театр сатиры). И в том же театре Т. Ицыкович — принцесса в «Обыкновенном чуде». Столько главных ролей на долю выпускников одного курса в первом же сезоне их профессиональной работы — такого, кажется, еще не бывало...

И все же главный «фаворит» того курса еще не назван. Это Алексей Левинский. Тот самый, чей малыш в «Затюканном апостоле» А. Макаенка (Театр сатиры, постановщик Е. Радомысленский) стал одним из самых значительных событий истекшего театрального сезона.

Уже в водевильном Шифоне, богатом мизантропе, проглянула незаурядная артистическая индивидуальность Левинского, его умение сыграть, донести до зрителя значительно больше то-

в первой же роли на сцене Театра сатиры. Это был анархист в поставленном В. Плучеком спектакле «У времени в плену» А. Штейна на темы Всеволода Вишневского. Дебютант сразу показал технику «высшего пилотажа». Почти цирк. Почти балаган. Да что там, можно обойтись и без «почти». Смелая театральная эксцентрика актера, однако, полностью соответствует замыслу драматурга и режиссера... Эпизодическая фигура выросла до типической. В анархисте Левинского — все холодное бешенство, озверелая бесшабашность, опасное озорство той человеческой накипи, что всплыла на поверхность в годы революционной бури. И вся ее некудышность и обреченность.

Потом был сыгран «Затюканный апостол». Волчонок в трагическом мире волков. Маленький горестный философ, постигающий все несовершенство и несправедливость этого мира и не знающий, как изменить его, как жить дальше. Об этой работе А. Левинского мне довелось уже писать в «Московском комсомольце» и не хочется повторяться. Скажу только, что здесь раскрылась идейная зрелость молодого актера, богатство и незаурядность его индивидуальности.

И наконец, Максим в погодинском «Темпе-1929» (постановка Марка Захарова). Засверкали новые грани таланта, которому присущи, оказывается, и социальный оптимизм, и открытая заразительность темперамента, и стихия радостного созидания вершителей первых пятилеток. И умение показать на сцене любовь — по-человечески просто, возвышенно и целомудренно...

Однажды мне довелось беседовать с Алексеем Левинским. Это было поздно вечером в пустой аудитории школы-студии МХАТ, через несколько часов после того, как он сдал очередной экзамен. Помню, удивила тогда трезвая серьезность, с какой говорил Алексей о своем будущем. Определенность его привязанностей и антипатий в искусстве. Выношенная, взрослая основательность суждений... Подумалось тогда, что этот человек рано или поздно придет к режиссуре.

Каждая новая роль Алексея Левинского неожиданна, непохожа на предыдущие. Он избрал в искусстве трудный путь. Трудный, но, наверное, самый достойный...

Б. ЕВСЕЕВ.

Моск. комсомолец 1982 г. № 91